М. Ю. Люстров

ШВЕДСКО-РУССКИЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ СВЯЗИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII в.

В России XVIII в. Швеция воспринималась как малоизвестная страна. В предисловии к изданному в 1797 г. переводу «Всеобщего Швеции изображения» Ж.-П. Катто-Каллевиля было высказано предположение, что «соседственность Швецкого государства может быть причиною, что по сие время никто не вздумал сообщить обстоятельнаго об оном сведения»[1]. В самом деле, на протяжении XVIII в. в России преобладали сочинения, касающиеся шведской истории – например, раздел «Введения в гисторию Европейскую» (СПб., 1718) С. Пуфендорфа, посвященный Швеции, «История о переменах, происходивших в Швеции в разсуждении веры и правления» (СПб., 1764) аббата Верто, «Монумент шведскому генералу И. Банеру» (М., 1788) К. И. Ингмана или «Краткая история королевской шведской фамилии» (М., 1790). О географии, промышленности и народонаселении Швеции было известно значительно меньше, а о литературе не было известно ничего.

«Всеобщее Швеции изображение» – первое переводное произведение, в котором рассказывается о шведской поэзии (в главе «Науки и художества»). По мнению Катто-Каллевиля, долгое время шведская поэзия была несовершенной, сильно отставала от французской и поэтому не заслуживала внимания: «Франция уже пользовалась изящными творениями Корнеля, Рассина, Буало, когда еще Швеция едва только Ронзаров, Депортов, Теофилов имела». Однако «около половины сего (XVIII. – *М. Л.*) века вкус к наукам в недрах государства водворился, и с сего времени стихотворцы явились, которыми Швеция гордиться может»[2].

В первой половине XVIII в. в России отсутствовали даже такие оценки шведской поэзии. О ней не знали и ею не интересовались. В помещенной в «Новый и краткий способ к сложению российских стихов» «Епистоле от российской поэзии к Аполлину» В. К. Тредиаковский перечисляет страны, в которых расцветает поэтическое искусство: наряду с Францией и Германией упоминается Индия, Персия, Турция и Польша. Имея в виду все народы («Словом, нет уже нигде таково народа, / Чтоб честна там сестр моих не была порода»), Тредиаковский называет в основном «соседственные» с Россией страны[3]. Швеция в этом списке отсутствует. А поскольку Тредиаковский был знаком с силлабо-тоническим стихотворением-предисловием И. Г. Спарвенфельда к книге Н. Бергиуса о русской церкви (впервые изданной в 1704 г.) и оно, возможно, сыграло свою роль в становлении новой русской поэзии[4], отсутствие упоминания о шведском стихотворстве становится значимым. Объяснить этот факт можно лишь тем, что шведская поэзия воспринималась как второстепенная и не обладающая какими-то характерными особенностями: она была не столь экзотической, как турецкая, и не оказала такого влияния на русскую поэзию, как польская.

Кроме того, в России отсутствовали переводы шведских стихотворений, выполненные в утилитарных целях. По замечанию С. И. Николаева, в конце XVII в. в Посольском приказе создавались стихотворные переводы иностранных стихотворений, содержащих «антирусские» выпады, но ввиду приоритетности русско-польских политических отношений русских переводчиков интересовали только польские тексты[5].

В Петровскую эпоху отсутствие сведений о шведском стихотворстве может быть связано с проводимой в России литературной политикой, в соответствии с которой поэтические произведения не представляли интереса как таковые[6], в дальнейшем же — ориентацией русской литературы на литературы других европейских стран.

В самой же Швеции первой половины XVIII в. свою поэзию знали хорошо, подчас она становилась темой стихотворных деклараций. Так, в 1738 г. в Стокгольме было издано стихотворное письмо шведского поэта, скрывающегося под именем Аримаспус, в котором упоминаются и Шерньельм, и Колумбус, и Луцидор, и

Лагерлеф, и фру Бреннерс, и Руниус, и прочие известные шведские авторы[7].

Что касается русского стихотворства, то в Швеции первой половины XVIII в. оно было известно мало (по замечанию исследователя, «вторая половина XVIII века явилась начальным периодом в истории русско-шведских литературных связей, пока еще эпизодических, но уже пробуждавших в Швеции внимание к духовной жизни России»[8]). Правда, в отличие от России, где о шведской поэзии не знали ничего, русское стихотворство вызывало интерес ученых шведов: И. Г. Спарвенфельд в 80-е гг. XVII в. написал силлабическое стихотворение на русском языке, в 1697 г. опубликовал вирши на смерть Карла XI («Плачевная речь по Карлу XI»), а его упоминавшееся выше стихотворное предисловие к трактату Н. Бергиуса знакомило шведов с русским поэтическим искусством[9]. Имена русских поэтов также были знакомы шведам: в вышедшей в 1730 г. в Германии книге шведа Ф. Й. Страленберга «История путешествий в Россию, Сибирь и великую Татарию» упоминаются Симеон Полоцкий и Феофан Прокопович.

Вместе с тем среди переводов со шведского, выполненных в России, и с русского, выполненных в Швеции, фигурируют не только политические документы или законодательные акты (в первой половине XVIII в. переводились или писались – и печатались – на языке соседа воинские артикулы и книги по военному делу, например шведское «Учение драгунское» – РГАДА. Ф. 9. Отд. II. Оп. 3. № 1, духовные грамоты, например Екатерины I – РГАДА. Ф. 2. № 22, манифесты, адресованные народу страны-соперницы, например печатный манифест Петра I на шведском языке – РГАДА. Ф. 20. № 33, но и произведения ораторского искусства и молитвословия. Эти переведенные сочинения могли представлять собой отсутствующее в литературе другой страны явление или принадлежать известным авторам, являться классическим образцом жанра и, таким образом, знакомить отечественного читателя с творчеством наиболее талантливых писателей соседней страны).

В 1725 г. на шведский язык было переведено знаменитое «Слово на погребение Всепресветлейшаго, Державнейшаго Петра Великаго Императора и Самодержца Всероссийскаго, Отца Отечества» Феофана Прокоповича.

В Швеции речь Феофана появилась в тот момент, когда отношения между недавно воевавшими странами стали вполне дружескими, и смерть российского императора должна была вызывать огорчение шведов. Действительно, лидер «голштинской партии» И. Цедергельм в письме А. Остерману писал: «...великий воин паде, какого Россия никогда не имела...не могу я своего и других сожаления о том довольно изъяснить»; весть о кончине Петра I была для него «не меньше болезненна», чем о гибели Карла XII[10]. В таком случае, слово Феофана оказывалось в одном ряду с аналогичными речами, посвященными смерти русских и шведских монархов и подчас адресованными народу соседней страны (в 1697 г. на русском языке была напечатана упоминавшаяся выше «Плачевная речь по Карлу XI» И. Г. Спарвенфельда). Однако специальный анализ шведского издания слова на смерть Петра I позволяет предположить, что мнение издателя о российском императоре и его деяниях отличается от точки зрения Феофана.

В 1741 г. появился конволют, включающий шведские и немецкие сочинения, в основном «русской» тематики, а также переводы с русского (в том числе и перевод речи Феофана). Среди представленных в конволюте текстов встречаются документы, связанные с событиями русской истории или историей русско-шведских политических отношений. Наряду со шведскими изданиями эпохи Северной войны (например, письмом 1701 г. о причинах разрыва мира с Россией), в конволют включены переводы русских документов, имеющих явно дискредитирующий Россию характер. Так, опубликованная в 1727 г. на шведском и немецком языках духовная грамота Екатерины I вызвала решительный протест со стороны России: бумага была объявлена подложной, а шведскому королю даже вчинен иск[11]. Шведский перевод обвинительного заключения по делу Феодосия Яновского (изданного Феофаном Прокоповичем в 1726 г.), по всей видимости, позволял шведскому читателю узнать о положении дел в русской церкви. Указанные тексты дают представление о том, какого рода русские документы переводились в Швеции, в конволюте же они создавали контекст, в котором оказывалась плачевная речь Феофана (мы говорим лишь о наиболее показательных переводах, причины появления которых очевидны и не нуждаются в специ-

альном анализе; поэтому мы оставляем в стороне исследование последнего входящего в этот конволют текста — шведского перевода манифеста Елизаветы Петровны 28 ноября 1741 г.).

Можно предположить, что о не вполне дружественном характере издания «Слова» говорит сама его тема: из речи Феофана шведы (далеко не все разделявшие мнение Цедергельма) узнавали, что недавно победивший Швецию монарх умер[12]. Кроме того, на истинное отношение издателя к Петру I указывает подпись на немецком языке под сопровождавшим текст перевода изображением облокотившейся на могильный камень фигуры: es ist alles eitel («все суета»). Эта картинка, таким образом, становилась своеобразным комментарием к тексту: все перечисленные деяния Петра оказывались лишь основанием для барочной сентенции. Схожий мотив встречается в «Славе печальной», но, в отличие от шведского издания, где слова о бессмысленности (!) земных трудов подытоживают речь, в «плачевной трагедии» реплика Смерти о преходящей славе не является выводом из всего сказанного о Петре.

При изучении русско-шведских литературных связей в первой половине XVIII в. необходимо учитывать, что переводчиков мало занимала эстетическая ценность переводимых текстов. Хотя речь Феофана относилась, без сомнения, к числу первоклассных произведений ораторского искусства, для шведов она была лишь одним из документов, посвященных России (таким же, как обвинительное заключение по делу Феодосия Яновского того же Феофана Прокоповича). В России в первой половине XVIII в. сочинения известных шведских авторов не переводились.

В то же время среди переводов со шведского встречаются не характерные для русской литературы сочинения, например, входящие в осуществленный в Петровское время перевод воинских артикулов Карла XI лютеранские «военные» молитвы. В конце воинских артикулов помещались утренняя и вечерняя молитвы, молитвы «высокого лица командующаго над войском», офицера, «рядового салдата» и «молитва, когда полевый бой или иные страшные случаи бывают»[13].

Каждый из участников сражения имел свою, приличную его званию, молитву: командующий должен был осознавать свою ответственность за все происходящее на поле боя, в том числе и

за жизнь вверенных ему солдат, и потому был обязан просить у Бога «мудрость и разум увидеть, еже мне и моим вредно или полезно может быти и их не без нужды иногда непотребно в беду не весть... рассуждая, что и они человецы, яко аз и что спаситель Иисус их так драгоценно, яко меня искупил и мне за их жизнь и кровь некогда ответ дати»[14]. Солдат же был обязан просить «благодать жалованием моим удоволится и никогда ближнему моему не сотворити, еже я не хощу да ближный мой мне паки сотворил», а также «началству моему верным и послушным быти»[15].

Последняя молитва, при всей своей традиционности, отличается от других содержащихся в этом сочинении текстов эмоциональным настроем. Это молитва человека, стоящего перед лицом смерти: «Ты ведаеши, какий страшный час ныне настоит и может быть, что я токмо пядию от смерти разстояния имам»[16] (эпитет «страшный» встречается здесь неоднократно). Известно, что эта шведская молитва была *специально* написана для подобных случаев, читалась вместе с 96 псалмом и, по словам П. Энглунда, «была центральной частью в очень важной психологической подготовке» перед сражением[17].

Вместе с тем некоторые из переведенных вместе с артикулами молитв появились на русском языке еще в XVII в. Открывающие «приложение» утренняя и вечерняя молитвы построены так же, как утренняя и вечерняя молитвы в изданном в 1628 г. на русском языке стокгольмском лютеранском катехизисе[18]. В обоих случаях молящийся утром благодарит Бога за ночное спокойствие и просит избавить его от дневных опасностей, вечером же благодарит Бога за благополучно завершающийся день и просит защитить ночью. При этом утренние и вечерние молитвы в «мирном» катехизисе и «военных» артикулах имеют характерные отличия: в книге артикулов молитву возносит постоянно подвергающийся смертельной опасности воин, и угрожающий ему враг — неприятель, ночное нападение которого представляется молящемуся особенно опасным («Ах, Владыко, аще мы спим, ты бдишь; хотя темнота помешает увидети неприятеля нашего намерение», — л. 119). Вероятно, по этой же причине среди молитв к артикулам отсутствуют напечатанные в катехизисе 1628 г. «мирные» молитвы «пред кушаньем» и «после кушанья».

Таким образом, «военные» молитвы выглядят более экспрессивными, чем молитвы из катехизиса (не содержащие, в частности, характерных междометий – «*Ах*, Владыко...», «*Ах*, мой Боже»), а, в свою очередь, произносимая непосредственно на поле битвы молитва «когда полевый бой или иные страшные случаи бывают» экспрессивней остальных «военных» молитвословий. Переведенная на русский язык *особая* «военная» молитва «когда полевый бой» выделяется даже на фоне других известных в России лютеранских молитвословий.

При анализе переводов лютеранских молитв необходимо учитывать, что в России XVII в. они воспринимались как враждебные православию, а их перевод – как происки врага. В предисловии к изданному в Москве в 1696 г. «Православному исповеданию веры» патриарх Адриан характеризовал катехизис 1628 г. следующим образом: «Мартина убо Лютера ученицы изобретши писмена словенороссийская точная, чистая и преведше на славенский чистый диалект своих им лживых догматов доводы и типом издавше изнесоша на свет свой яда полный не цвет обнюхающыя услаждающий, но терн осязающыя убодающий две книжичицы»[19]. Действительно, лютеранские молитвы на русском языке использовались шведами для распространения лютеранства (что подтверждает издание этих же молитв на русском языке сразу после разгрома русских войск под Нарвой в 1700 г. – Нарва, 1701).

При этом из переведенной книги воинских артикулов традиционно «вражеские» молитвы не были исключены. Возможно, переводчик переводил *всю* книгу и не считал необходимым изымать что-либо из текста. В самом деле, на титульном листе русской книги оставлена фигурирующая в оригинале имеющая касательство к распространению шведского печатного издания и не имеющая никакого отношения к русской рукописной книге надпись: «Свышеимянованным королевскаго величества милостивым привилегием никому здесь в государстве и в принадлежащих землях изнова печатать или из инаго места привесть и продати при отнимании книг. Писаны от Гендриха Китсера в Стеколне».

С другой стороны, перевод лютеранских молитв – типичное для Петровской эпохи явление. Переводное «Основательное

наставление, как минеральной воде на Медеви в Остроготии налучшее быть употребленной...» (шведский оригинал издан в Стокгольме в 1702 г.) также заканчивается молитвой, правда, «молитвой по врачевании»[20]. Таким образом, в русском переводе шведского военного сочинения сохраняются военные молитвы, в русском переводе шведского медицинского сочинения – молитвы «врачебные».

Надо отметить, что в петровское время переводилось большое количество «лютеранских» текстов, некоторые из которых впоследствии объявлялись еретическими, и их распространение запрещалось (такая судьба постигла изданную в 1711 г. в переводе Иоанна Максимовича книгу И. Гергарда «Богомыслие»)[21]. Возможно, появление лютеранских молитв на русском языке объясняется характерной для Петровского времени лояльностью по отношению к протестантизму, но, в отличие от «Богомыслия», запрещать их распространение не было необходимости: переведенные в Петровское время шведские сочинения, включающие в свой состав молитвы, в России не издавались и известны в единичных рукописных экземплярах. Надо отметить, что в России не издавалась значительная часть переведенного на русский язык в XVIII в. (скорее всего, во второй половине) шведского литературного материала[22].

Равнодушие к иноязычным сочинениям, имеющим эстетическую ценность (при полном отсутствии переводов стихотворных произведений), является характерной чертой русско-шведских культурных взаимоотношений в первой половине XVIII в. Поэтому перевод слова Феофана Прокоповича на смерть Петра Великого выглядит скорее как исключение, чем правило. В России шведские писатели XVII–XVIII вв. не были известны до конца XVIII в., но уже в Петровское время появились шведские «военные» молитвословия, имеющие художественные достоинства (Д. М. Шарыпкин отмечал их поэтичность) и, что несомненно, неизвестные русской литературе. Эти литературные контакты могут показаться случайными и эпизодическими, однако само их наличие сомнений вызывать не может.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Всеобщее Швеции изображение. СПб., 1797. Без паг.

[2] Там же. С. 339.

[3] Новый и краткий способ к сложению российских стихов. СПб., 1735.

[4] Первый публикатор стихов Спарвенфельда на русском языке Н. Петровский обратил внимание на упоминание книги Н. Бергиуса в «Трех разсуждениях о трех главнейших древностях Российских» В. К. Тредиаковского (СПб., 1773).

[5] *Николаев С. И.* Поэзия и дипломатия (из литературной деятельности Посольского приказа в 1670-х гг.) // ТОДРЛ. Т. XLII. Л., 1989. С. 143–173.

[6] *Николаев С. И.* Литературная политика Петра I и переводная литература // *Николаев С. И.* Литературная культура Петровской эпохи. СПб., 1996. С. 25–28.

[7] Ett bref til Auctoren af thet Swenska. Stockholm, 1738.

[8] *Некрасов Г. А.* 1000 лет русско-шведско-финских культурных связей (X–XVIII вв.). М., 1993. С. 129.

[9] *Петровский Н. М.* Analecta metrica. VI. Мелкие заметки // Русский филологический вестник. 1914. Т. 71, № 2. С. 534–538; *Берков П. Н.* Из истории русской поэзии первой трети XVIII века // XVIII век. Сб. 1. М.; Л., 1935. С. 67–70; *Быкова Т. А.* К истории русского тонического стихосложения (неизвестное стихотворение И. Г. Спарвенфельда) / XVIII век. Сб. 3. 1958. С. 449–453; *Биргегорд У.* Плачевная речь по Карлу XI на русском языке // Подобаеть память сътворити: Essays to the Memory of A. Sjoberg. Stockholm, 1995. С. 25–37.

[10] Цит. по: *Некрасов Г. А.* Русско-шведские отношения и политика великих держав в 1721–1726 гг. М., 1964. С. 193.

[11] РГАДА. Ф. 2. № 22.

[12] Гибель «проигравшего», Карла XII, интересовала русских авторов и переводчиков значительно меньше. В «Слове похвальном о флоте российском и о победе галерами российскими над кораблями шведскими» (СПб., 1720) Феофан Прокопович вспоминает о смерти Карла лишь в связи с неудачами шведов: «И что велми дивно: сами неприятели тесноту свою истинною понужденни засвидетельствовали, когда на монетах недавно в память падшаго короля своего изданных лва вервием обвязаннаго напечатали» (л. 6 об). Если Карл и вызывал восхищение автора, о его гибели упоминали вскользь. Например, в рукописном стихотворении «В славу его царского величества на день торжества славной виктории, полученной над шведами в день 28 сентября 1708 года» (написанном в 1720 г. и ошибочно датированном С. И. Николаевым 1708 г.) говорится, что душа Карла ходит по берегу, «где Карон без разбору велит ожидать переправы», и что «пресветлейшая душа героя (или воина) по неволе в совершенном покое» (л. 2)

[13] ИРЛИ, древлехранилище, кол. В. Н. Перетца. № 215. В научный оборот этот текст ввел Д. М. Шарыпкин – Шведская тема в русской литературе Петровской эпохи // Русская культура XVIII в. и западноевропейские литературы. Л., 1980. С. 15.

[14] ИРЛИ... № 215. Л. 120 об.

[15] Там же. Л. 122 об.

[16] Там же. Л. 123.

[17] *Энглунд П.* Полтава: Рассказ о гибели одной армии. М., 1995. С. 82–83.

[18] Катихизис си есть греческое слово, а по руски именуется крестьянское учение перечнем, что человеку подобает прежде всего учитися и ведать о спасении души своей. Стокгольм, 1628.

[19] Православное исповедание веры. М., 1696. Л. 5 об.

[20] *Соболевский А. И.* Из переводной литературы Петровской эпохи: Библиогр. материалы. СПб., 1908. С. 21.

[21] *Николаев С. И.* Литературная культура Петровской эпохи... С. 22.

[22] *Люстров М. Ю.* «Эпистола к Аполлину» В. К. Тредиаковского: шведская параллель // В. К. Тредиаковский: ученый, поэт, переводчик. (В печати).